

Все, всеми своими силами боритесь, используя любые средства против подлой банды фашистских насильников, забирайте у них или же уничтожайте все, что им необходимо для ведения войны, для их подлой жизни, не бойтесь жертв, боритесь без устали, пока фашисты не будут уничтожены. Не сберегайте заводы, фабрики, землю, мосты, тоннели из любви к национальному достоянию. Это не наше национальное достояние, пока над ним господствует нацизм, и все то, что мы когда-то построили, в руках нацистов обращено против нас. Лишь в уничтожении фашизма, лишь в полном искоренении нацистской чумы наше будущее. Именно поэтому всеми силами и всеми средствами уничтожим фашизм.

А затем, свободные и счастливые, напряжем все свои творческие силы и приведем свою прекрасную страну к невиданному расцвету и благосостоянию, о котором сегодня мы можем лишь мечтать.

Во имя этого будущего, во имя свободы чешского народа — в бой! ²

AUML UV KSC, Praha, Sb. 77, a, b — ilegální Rudé právo.

Подлинник. Перевод с чешского.

Опубликовано: Rudé právo 1939—1945, s. 183—188.

В сокращенном виде опубликовано: Фучик Ю. Избранные очерки и статьи. М.: Изд-во иностр. лит., 1950, с. 132—135.

¹ Фучик Юлиус — см.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений, т. II, с. 422.

² См. примеч. 4 к док. 88.

*Запись начальника канцелярии президента Чехословакии
Я. Смутного о подготовке к заключению советско-чехосло-
вацкого соглашения*

Лондон

16 июля 1941 г.

Сегодняшний день можно считать одним из самых знаменательных дней в политическом отношении: от Советского правительства поступило предложение о заключении межгосударственного соглашения и War cabinet принял решение об урегулировании отношений с нами, о полном признании de jure республики и назначении посланника. Об этом сообщил на приеме у короля Черчилль д-ру Э. Бенешу.

Советское признание имеет большое значение, поскольку это признание в форме первого межгосударственного союзнического соглашения, которое заключает третья республика ¹.

В соглашении речь идет, во-первых, об обмене посланниками, или, как ясно подчеркнул Майский, речь идет не об установлении дипломатических отношений, которые были лишь временно прерваны из-за отсутствия посланников, а о том, что признание республики всегда продолжалось. Это подтверждает наш принцип преемственности. Во-вторых, оба государства окажут друг другу помощь в борьбе. В-третьих, разрешение о формировании войска в России.

Это соглашение подобно соглашению, которое СССР заключил с Великобританией ², т. е. речь идет о полном признании республики в качестве союзницы. После Великобритании мы первые, кто подписал союзническое соглашение с СССР. Русские предлагали его всем; югославы до сих пор ведут переговоры — Нинчич ³ сказал сегодня д-ру Бенешу, что им препятствует вопрос об армии — они хотят, чтобы это было

факультативно (как будто бы русские их принуждали). Д-р Б[енеш] сказал ему, что соглашение лишь дает разрешение на создание армии, и, во-вторых, что они боятся, как бы русские затем под своим командованием с этой армией не пришли в их страну!

Д-р Б[енеш] сказал им, что у него нет подобных опасений. Майский ему четко подтвердил, что для них вообще не имеет значения, хотим мы или нет создавать в Москве национальный комитет, — с этим он пришел на первую беседу, — что это наше внутреннее дело и что им совершенно безразлично, что и как мы сделаем.

Это важно. Югославы это отвергли, а Масарик⁴ позавчера пришел к д-ру Б[енешу], требуя, чтобы он это отверг, чтобы в этом смысле он был тверд, положился в этом на правительство, которое целиком будет против. Д-р Б[енеш] сказал, что он не может [сделать это] прямо, поскольку однажды уже выразил с этим согласие (с тем, однако, что Комитет будет подчинен правительству и посланнику), но что он спросит у Майского, будут ли русские настаивать или это является условием признания. В качестве условия он этого не мог бы принять, но говорит, что это сравнительно малозначащая вещь и что он не будет придавать этому значения.

Ныне эта небольшая проблема устранена. Русские пришли к этому, очевидно, по предложению наших коммунистов, но вскоре отказались, когда увидели, что нам это не нравится. Вообще у меня такое впечатление, что русские очень быстро входят во вкус того, что они опять в дружественных отношениях с Западными государствами, им также импонирует то, что они в военном отношении держатся и что Европа и мир аплодируют тому, что сумели сделать Советы.

Д-р Б[енеш] подтвердил Майскому принятие проекта соглашения, и соглашение завтра подпишет Масарик. Мы говорили об этом по пути из Букингемского дворца в Астен Аббатс. Г-жа Б[енешева] спрашивала, может ли он это сделать без согласия правительства. Я объяснил ей, что это право президента заключать соглашения и в нормальных условиях, а тем более теперь. Д-р Б[енеш] вскоре решил, что и в качестве министра иностранных дел он всегда заключал соглашения, а затем только представлял их на одобрение. Без этого он никогда бы ничего не достиг. Если бы это попало к Шрамеку⁵, то он прежде всего упрятал бы это в стол на неделю и стал бы размышлять. Затем все будут говорить об этом, и мы ни к чему не придем.

Он попросил, чтобы завтра в Лондоне — сам он туда не поедет — я проследил, чтобы Масарик подписал соглашение, сообщил об этом англичанам (чтобы они не узнали об этом из газет раньше, чем им будет сообщено официально), договорился с русскими о времени и форме публикации и чтобы не представлял это для одобрения правительству, ни самому Шрамеку. Только когда это будет уже готово. Вечером после подписания, чтобы он сам тотчас сообщил об этом по радио. На будущей неделе д-р Бенеш сам будет говорить о России в радиопередаче на страну.

Я это одобрил, хотя, конечно, не это было главное, и настаивал на том, чтобы этим выступлением он поставил все точки над «и» в вопросах, касающихся Мюнхена. Соглашением с Россией закончился послемюнхенский период. Мюнхен исправлен, или все его участники заплатили за него, он не признан и доказана правильность тогдашней нашей политики. В дальнейшем не потребуется уже говорить о Мюнхене.

Д-р Б[енеш] теперь в своей форме. Вчера мы долго об этом говорили, прогуливаясь вечером по саду. «Люди видели во мне русофила, смотрели на меня почти, как на большевика, некоторые, очевидно, как на сумасшедшего, когда я постоянно повторял им, что Россия будет в конце концов на стороне Англии. Теперь все как бы сразу опомнились, — говорил он, — и приходят ко мне со словами «Вы были правы». Иден⁶ сказал Масарику, что Бенеш был единственным государственным деятелем, который правильно представлял ситуацию.

«Я говорил об этом и нашим людям. Три месяца назад я сказал Годже⁷ — и затем передал ему через Лихнера⁸ — начните думать о вхождении в Государственный совет, входите пока есть время. Вскоре Россия вступит в войну, и тогда будет поздно. Он не верил мне, а теперь он и Осуский⁹ в таком положении, что никто не будет с ними считаться».

Д-р Б[енеш] был достаточно зол на англичан за то, что они постоянно медлят с признанием республики. Они признали нас как временное правительство, а речь идет о превращении его в постоянное. Признание русскими, о чем известно англичанам, оказывает давление и на них, и правдоподобно, что о нем будет опубликовано раньше, нежели об английском.

В половине шестого — прием для иностранных высокопоставленных лиц и иностранных правительств у короля. Королева производит очень милое впечатление — простая, сердечная. Общая организация по сравнению с чехословацкими условиями демократичнее, у нас протокол был монархичнее. Однако здесь это все делается с большей самоуверенностью.

AKPR, Praha, J. Smutný, VII/216—220.

Подлинник. Первод с чешского.

Опубликовано: Dokumenty z historie československé politiky 1939—1943, díl 1, dok. č. 190, s. 244—245.

¹ Имеется в виду Чехословацкая республика в период после образования в эмиграции правительства Бенеша.

² По предложению Советского правительства, 12 июля 1941 г. было подписано соглашение между СССР и Англией о совместных действиях в войне против фашистской Германии. Соглашение обязывало обе страны «оказывать друг другу помощь и поддержку в войне против гитлеровской Германии, а также не вести переговоры и не заключать перемирия или мирного договора с Германией, кроме как с обоюдного согласия» (Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1946, т. I, с. 130—132). Это соглашение нанесло удар по расчетам гитлеровцев на внешнеполитическую изоляцию Советского Союза и положило начало образованию антигитлеровской коалиции (История второй мировой войны, т. IV, с. 165).

³ Нинчич Момчило (1876—1949) — югославский политический деятель. В 1941—1942 гг. — министр иностранных дел в правительстве С. Йовановича в эмиграции.

⁴ Масарик Ян — см.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений, т. II, с. 278.

⁵ Шрабек Ян (1870—1956) — чехословацкий политический и религиозный деятель. В 1919—1938, 1945—1948 гг. — председатель Чехословацкой народной партии, заместитель чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне. В 1945—1948 гг. — заместитель председателя правительства Чехословакии.

⁶ Иден Антони — см.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений, т. III, с. 81.

⁷ Годжа Милан — см.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений, т. II, с. 149.

⁸ Лихнер Ян — чехословацкий политический деятель. В 1940—1942 гг. — государственный министр, в 1942—1945 гг. — министр сельского хозяйства и общественных работ в чехословацком эмигрантском правительстве в Лондоне.

⁹ Осуский Штефан — см.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений, т. III, с. 95.